

Деревянная балерина

Юлия
Михалева

16+

Юлия Михалева

Деревянная балерина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67836761

SelfPub; 2022

Аннотация

Единственное, чего не хватало Ирине – большой любви, как в романах. Такой, чтобы захватывала, пробирала до косточек, подчиняя себе всю жизнь. Такой, чтобы сразу – и навсегда. И она ее встретила. Случайно, как и положено чуду. Илья оказался лучше любого возможного идеала, и все мечты Ирины исполнились. Правда, совсем не так, как она ожидала. Сказка обернулась истинным адом, но Ирина не оставит попытки спастись.

Содержание

Цветы и вопросы	4
Глава 1. Алые лилии	9
Глава 2. Зимний танец	23
Глава 3. Лазанья и китайские палочки	45
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юлия Михалева

Деревянная балерина

Цветы и вопросы

5 июня 2021 года

Светловолосого Ирина раньше никогда не видела, а толстый, наоборот, был слишком хорошо ей знаком.

Оба полицейских вошли в квартиру, не разуваясь. Впустив их, Ирина вернулась в кухню к прерванному стуком занятию: продолжила протирать кожистые листы цветка с заковыристым непроизносимым названием – замиокулькаса замифолии.

– Можно? – вошедший следом светловолосый указал на стол.

Ирина не возражала. Он уселся, расстегнул папку, которую до этого крутил в руках, вынул и просмотрел пару страниц.

Ирина наблюдала за ним краем глаза, опрыскивая из пульверизатора очередной кожистый лист. Она не видела смысла бросать цветок, чтобы уделить внимание посетителям. Да и вообще – а в каких случаях чей-то смысл важнее, чем свой?

– Давайте еще раз все как следует вспомним, – предложил, сверившись с бумагами, полицейский.

– Смотрю, у тебя тут ремонт? – прервал его зашедший в кухню толстый.

Пары минут ему с лихвой хватило, чтобы осмотреться в квартире. Еще бы: смотреть там ровным счетом не на что. Буквально.

– Да это Илья. Загорелся пару месяцев назад, а потом – все, как обычно. И воз и ныне там, – Ирина слегка скривила губу, аккуратно протирая лист.

– Зато цветы завела. Их же не было раньше, вроде, – полицейский прикоснулся к замиокулькасу. Ирине показалось, что тот отдернулся.

– Не было, – подтвердила она. – Но должно же здесь быть хоть что-то? Зашла на днях на распродажу, а они на глаза и попались. Не удержалась.

– Приступим? – светловолосый вернулся к делу.

Ирина пожала плечами.

– Да пожалуйста. Только, как я вам уже и сказала, не понимаю – а в чем вопрос-то? Ничего нового и необычного не происходит. Разве что я чего-то не знаю. А если так, то тем более ничем не помогу. Спросите лучше Илью.

– Как сказать, – многозначительно начал толстый, глядя на светловолосого. Тот нахмурил не по возрасту морщинистый лоб, продолжая перебирать бумаги. – Когда еще слишком рано о чем-то говорить?

– Причину, по которой мы пришли, мы уже вам озвучили, – прервал светловолосый.

Если бы не он, толстый обязательно бы проговорился. Уж Ирина-то знала.

– Так я вам уже и ответила. Такое постоянно бывает, минимум пару раз в полгода, а то и чаще. Я привыкла давно. Да вы коллегу своего спросите, он не хуже меня все знает.

– А я бы хотел спросить вас, – светловолосый пристально посмотрел на Ирину. – Вспомните, например, во сколько Королев уехал на работу 24-го?

– Да я даже не знаю, на работу ли он уехал. Он обычно мне не говорит.

– Он точно поехал в офис. Ты, может, и не знаешь, зато мы знаем, – не удержался толстый.

– Так во сколько?

Ирина помотала головой.

– Не представляю. Я встала в 7.30, а в 8.30 была уже в автосалоне. Хорошо это помню, так как клиент просил сдвинуть срок на день раньше, с 25-го, и мне нужно было приехать пораньше и успеть кое-что доделать. А потом, пока я его ждала, с другим хотела детали согласовать.

– Продаете машины? – уточнил светлый.

– Нет. Занимаюсь рекламой.

– И с каких это пор ты работаешь?

– Да где-то месяцев восемь, – Ирина на миг задумалась. – Да, примерно так и есть. Илья не очень хотел, конечно, чтобы я работала, но мне удалось его убедить – деньги нам сейчас не помешают.

– Сейчас?

– Ну да. Я так понимаю, у них в «Толколе» дела как-то не очень. Хотя оно так и раньше же было, вроде. Это Илья мне обычно так говорит, а так-то откуда мне знать?

Светлый что-то пометил в своих бумагах.

– Так вот, на чем мы остановились? Я ждала своего клиента – у нас с ним была долгая встреча, потому что требовалось согласовать полную презентацию, и...

Светлый помотал головой.

– Мы остановились на том, что вы пораньше встали и собирались на работу. А что делал Королев?

– Вы серьезно? Да как это можно вспомнить? Я и внимание не обратила, тем более в тот раз торопилась. А что он мог делать? Он обычно уезжает позже меня. Наверное, сидел в своем телефоне, как обычно.

– Но о чем-то же вы с ним тогда говорили?

– Не представляю.

Светловолосый снова что-то записал.

– Ты бы хоть кофе, что ли, предложила, хозяйка, – сказал толстый.

– Закончился. Еще вчера.

– Богато живешь! Тогда хоть водой угости, если не жалко. Жарища такая, пить хочется.

Этот субботний день, действительно, был совсем не июньский. Солнце всего пару часов, как перешло с другой стороны дома, но уже успело напечь небольшую кухню.

Воды было не жалко. Ирина взяла из шкафа новую кружку и щедро плеснула из фильтра.

– Это все лишний вес, – констатировала, передавая.

Толстяк вздохнул, а Ирина принялась за очередной лист.

– А ко всем остальным вы тоже уже ходили? Я же вам и телефоны раньше давала.

– Не думаю, что нам стоит это обсуждать. Значит, когда вы ушли, он был дома?

Ирина кивнула.

– А после созванивались?

– Я ему много раз звонила, как раз насчет ремонта, но он мне редко отвечает. Хотя ответил, только я не уверена, что это было в тот день. Или, может, и в тот, – Ирина подняла глаза, разглядывая потолок.

– Постарайтесь вспомнить.

Она потрясла головой.

– Помню только, что отвечал. Но ничего важного, все как всегда – что занят, и я его отвлекаю.

Светлый вышел первым. Толстый замешкался.

– А так у вас все как обычно, значит? Все продолжается? – в вопросе был подтекст, и оба его понимали.

– Абсолютно все, – кивнула Ирина.

– И вот скажи – зачем?

Она улыбнулась. Ответ на этот вопрос сама искала почти пять лет. И нашла. Но не таков он был, чтобы им с кем-нибудь поделиться.

Глава 1. Алые лилии

19 сентября 2016 года

Незабываемый, бесповоротный сентябрьский полдень. Он был такой тихий и теплый.

Накануне Ирине исполнилось 29. Тогда казалось – чертовски много. Еще год – и что там после тридцати? Старушечий платок и вязание?

Ну ладно, может быть, с таким набором она и преувеличивала малость, когда обрисовывала трагизм ситуации. Но в чем точно не сомневалась – там, по ту сторону цифры «три», уж точно не останется никаких шансов построить личную жизнь.

А та все никак не ладилась.

В 21 год она быстро сбегала замуж за ровесника. Пьяное куражное студенческое знакомство и такая же скорая бездумная свадьба. Все вокруг предрекали, что продлится брак от силы год. Почти не ошиблись: устав от взрослой жизни за восемь месяцев, Ирина вернулась из съемной «семейной» квартиры к бабушке.

«Нагулялась?», – хмыкнув, спросила та, как будто Ирина пришла с обычных дружеских посиделок. – «Вещи помочь разобрать?»

Потом были эпизодические встречи на один вечер. Затем щедрый эмоциями роман с ярким и харизматичным, но же-

натым. Следом попытка – от противного – отношений с исключительно правильным, но невероятно душным мужчиной. Он развешивал полотенца по длине, раскладывал носки по текстуре и цвету. И разговоры велись под стать: избранник мог часами рассуждать о возможных экономических стратегиях для увеличения ВВП, невзирая на демонстративные зевки Ирины. Он называл это «образовывать», «развивать кругозор и мышление».

«И зачем же ты затеяла это Ирка? Нудный он, твой профессор. Ведь сбежишь же, месяца не пройдет», – разглядывая, как «зYTEK» разложил вымытые им тарелки, предсказала бабушка.

Тогда она уже очень сильно болела, хоть и старалась скрывать до последнего. Ее не стало всего через два месяца.

Но прогноз сбился: Ирина рассталась с правильным «профессором» – на самом деле он был юрисконсультом – в оговоренный срок.

А потом отношения начали складываться сложнее. Точнее, даже завязать их стало совсем не так просто, как в 25.

Подруги упорно советовали сайты знакомств, но Ирина долго не сдавалась. Во-первых, там одни озабоченные маляки – девчонки ж сами ей говорили. Во-вторых (о чем она не упоминала вслух, да и себе признавалась неохотно), зарегистрироваться на таком сайте – то же самое, что и публично признать, что она не востребоваанна, что в реальной жизни мужчины ею не интересуются, и это – последняя попытка

отчаяния.

Последний новый год – самый тяжелый день в году для одиночек, он так безжалостно вскрывает пустоту – в обществе «парных» друзей убедил передумать. Уже вечером 1 января она, покачивая головой в тон мыслям, заполняла анкету на «Мамбе». Явные маньяки на нее не откликнулись. А Виктор всего через пару часов увидел эффектную фотографию – там Ирина с ногами забралась на перила башенки над обрывом, схватившись за колонну, а выкрашенные в алый волосы развевались – и написал.

«Ты такая хрупкая и изящная, как будто танцуешь с ветром».

– И как он?

– Ничего особенного, но терпимо. Айтишник. Вроде свободный. Не противный. Не раздражает.

Они стали встречаться. Без искорки, но не так скучно, как с «профессором». И все бы ничего – Ирина же теперь вроде не одинока? – но довольно быстро Виктор, который и так не был слишком внимательным, стал вообще обо всем забывать.

Забыл завезти на работу Ирине оставленные у него дома срочные фотографии для клиента. Хотя она очень просила, несколько раз напомнила.

Забыл поздравить с днем рождения. «Ой, зайчик! Прости дебила, – сказал он, когда она сама ему об этом сообщила, позвонив в обед. – Давай сегодня вечером как следует отме-

тим, хорошо?»

Она долго ждала в кафе. Выпила сначала три чашки кофе, а потом два коктейля. Виктор говорил, что едет. Сейчас будет, еще пять минут, тут пробка. Ирине казалось, что над ней смеются и официанты, и посетители.

Она и в самом деле притягивала взгляды – впрочем, как и обычно. Заинтересованные, но не насмешливые. Однако к столь яркой девушке – то ли модели, то ли актрисе – подойти никто не решился.

Ирина с самого утра очень хотела рассказать Виктору все, что о нем думает. Но до того самого сентябрьского полудня он не читал сообщения и не отвечал на звонки.

Ответил как раз около двенадцати. Голос заspanный – Ирина поняла, что разбудила.

– И что вчера было?

– Ой, да ладно тебе, а. Ну посидели вчера с товарищами, вот и вылетело из головы.

– Ты же все время врал мне, что сейчас будешь.

– Да? Так, значит, не рассчитал чуток. С кем не бывает, а?

Ирина отключилась.

Очень хотелось проехаться и остыть. Может быть, зайти в торговый центр и порадовать себя новым платьем. И, хотя до обеда еще оставался час, ничего страшного не случится,

если разок она уйдет на него пораньше.

А по пути Ирина заехала на заправку.

– Какая прекрасная, но грустная осень, – шепнул кто-то за спиной.

От неожиданности Ирина чуть не расплескала только что купленный кофе в стаканчике. Она как раз только открыла крышку, чтобы поскорее остыл.

– Вам нужно подарить цветы, – сказал незнакомец. – Под цвет волос.

Сам он был светло-русый. Ростом немного выше Ирины – она немаленькая – и довольно крепкий, хотя не спортсмен. Типичное северно-славянское лицо. Привлекательное, с правильными чертами. Нос прямой, подбородок немного выбился – островат. На нем ямочка, губы немного слишком длинны и изогнуты. Ярко-голубые глаза, казалось, улыбались вместе с ними – тепло и обволакивающе. На щеке, под легкой светлой щетиной, овальная родинка. В форме слезинки.

Ирина постаралась вежливо улыбнуться. Получилось вымученно и довольно жалко.

– Оставьте мне телефон – я вам их привезу.

Со студенческих пор Ирина не знакомилась на улицах. От тех, кто свистит в след с криком «Девушка, дай телефончик!», вряд ли можно ожидать серьезных намерений. А знакомств на одну ночь она давно не искала.

Кроме того, говоря по правде, и желающих с каждым го-

дом становилось все меньше. Но если бы не оскорбление, нанесенное Виктором, душащая обида и ощущение себя пустым местом, Ирина бы не сделала этого и в тот раз.

Но сделала. Назвала свой номер.

Незнакомец – он до сих пор не представился, да и имени не спросил – перезвонил, чтобы удостовериться, что Ирина его не обманула. Когда ее телефон зазвонил, он снова обаятельно улыбнулся. Пожелал хорошего дня, сел в свою машину и уехал.

О своем странном поступке Ирина рассказала коллеге на перекуре.

– И что тут такого? Может, это судьба, – рассмеялась та.

Ирина так не думала. Да и в целом больше не думала про незнакомца, отвлеклась на работу: нужно было окончательно утвердить и назначить съемки ролика по довольно безумному проекту – рекламе нижнего белья для мужчин с лишним весом.

– Ох, какая ж вы молоденькая и худенькая! И как войдете в проблемы нас, старых толстяков? – впервые увидев своего менеджера, ужаснулась клиентка – возрастная, громкая и полная женщина.

– Ирина у нас одна из лучших. Не разочарует, увидите, – уверила начальница их креативного отдела.

– Это мы посмотрим. А пока запомните: я хочу провокации! За глянец платить не буду. Семейные панталоны с гламуром не едят, – и Ирина едва сдержалась, чтобы не пока-

титься от смеха.

Клиентка и в самом деле оказалась не из тех, кто просит «поиграть со шрифтами». Работать с ней было чистым удовольствием.

Однако Ирина все равно волновалась, собираясь презентовать сценарий ролика. Искоса взглянув на начальницу – искала одобрения, но та уткнулась в свой телефон, ожесточенно нажимая клавиши, – она начала:

– Полный мужчина в одних трусах от неизвестной фирмы ходит по городу и пытается познакомиться. Предлагаю использовать в съемках реальных прохожих – так мы получим более интересный эффект. Он подходит, просит телефон и говорит: «Извините, что я в трусах». Делаем несколько дублей, а потом переодеваем мужчину. Теперь он в ваших трусах и делает все то же самое, но добавляет: «Я не буду извиняться за свои трусы – они сшиты в «Амелии»! И заканчиваем вашим девизом: «Амелия» с вами. С ней удобно всегда».

Начальница покачала головой.

– Вполне неоднозначно, – в переводе с корпоративного это значило: «идея детская и нелепая».

Но клиентка не слушала и смеялась в голос. Даже утерла глаза.

– Бог мой, как я хочу это увидеть. А что будет, если кто-то возьмет и согласится, а?

– «Амелия» устроит вашу жизнь. С ней удобно всегда, – экспромтом предложила Ирина.

– Отлично, но когда мы уже это снимем?

Съемки назначили на среду – по прогнозу, дождя не ожидалось. Думая, как они пройдут, Ирина начинала смеяться. И то и дело прыскала, когда коллеги, узнавшие детали ее проекта, шутливо крутили пальцами у виска, высовывали языки – словом, кривлялись. Удобная во всех ситуациях «Амелия», и в самом деле, отвлекла от мыслей о Викторе, и уж тем более от случайной встречи на АЗС.

О Викторе она вспомнила, только уже когда села в машину, чтобы ехать домой. На душе сразу стало неприятно – как будто тронуло холодом так, что она поежилась.

Ирина проверяла телефон весь вечер, но он так не написал ей и не позвонил, чтобы хотя бы извиниться.

В итоге она перебрала вина и начала звонить подругам, чтобы пожаловаться. За такое потом всегда бывало стыдно: у всех своя жизнь, и вечер точно хочется потратить на что-то более приятное, чем чужие пьяные слезы.

Виктор не подавал признаков жизни и завтра. А в среду, буквально за десять минут до начала съемок – Ирина была как на иголках, этот момент всегда самый переживательный, хотя от нее-то не требовалось никакой актерской игры – вдруг позвонил незнакомец с заправки.

– Здравствуйте, прекрасная Ирина.

– Здравствуйте! Напомните, пожалуйста, кто вы. Ваш номер у меня не в контактах, – считая, что это кто-то из клиентов, она отвечала машинально, поглядывая за актером в семейных трусах. Он нервно курил, делая частые маленькие затяжки.

– Как, вы не записали меня, как незнакомца с АЗС? – шуточно ответил он.

Ох, только не это! Уж точно не сейчас.

– Да. То есть, нет. Извините, пожалуйста, мне сейчас очень некогда.

– Простите, что невовремя, Ирина. Когда вас можно набрать? Я обещал вам подарить ваши любимые красные лилии, а я всегда держу обещания.

Откуда он знал ее имя? Ирина точно помнила, что не называла его. А лилии? Она действительно их любила, но в разговоре они однозначно не звучали. Речь шла о цветах в тон волос.

– Вы что, из разведки?

– Ни в коем случае. У меня бизнес. Строительный. Точнее, у нас с другом.

В раздумьях, что ответить, она терла шею.

– Ирина, начинаем? – это клиентка.

– Да, простите, одну минуту!

– Извините еще раз, что отвлекаю. Я могу вам перезвонить?

– Да, часов в пять, – Ирина нажала отбой и почти побе-

жала к ждавшей съёмочной группе.

Все время, пока снимался ролик, она возвращалась мыслями к разговору – признаться, незнакомец порядком заинтриговал. Причем задумывалась Ирина так плотно, что ее несколько раз окликнули. А в конце клиентка участливо поинтересовалась – не случилось ли чего?

– Да так, звонили из клиники по анализам моей собаки, – зачем-то соврала она.

– О! Что-то серьезное?

– Нет, не очень, проблемы с пищеварением, – а вот это правда: Роя регулярно беспокоил желудок, что в буквальном смысле частенько лишало хозяйку сна.

– Какая порода?

– Лабрадор.

– Они чудные! А у меня кокер. Ему уже семь, а вашему?

– Почти два.

– Еще малыш!

Несмотря на то, что Ирина присутствовала на съемках только оболочкой, результату это не помешало. А он оказался неожиданным. Лишь пара женщин отнеслась к мужчине в трусах враждебно, остальные же от души посмеялись. И трое дали свой телефон, причем двое из них – во время похода в семейниках.

– Не ожидала такого подвоха! Что ж теперь мы рекламируем? Продукцию конкурентов? – веселилась клиентка, но потом задала вопрос и по существу: какие кадры берем?

Обычно Ирина внимательно следила за съемками и помечала удачные моменты в уме. На этот раз ответила только через пару часов, когда отсмотрела материал:

– Возьмем для первой части дубли, где от актера шарахаются, советуют одеться. Для второй – где говорят, что он круто выглядит, что такого еще не было, и финал – дают телефон. Общая продолжительность после нарезки – 45-50 секунд, можем еще урезать до 40, и тогда он лучше пойдет в соцсетях. Может, даже станет вирусным.

Клиентка одобрила и выразила надежду поскорее ознакомиться с результатом.

А ровно в 17.00 позвонил незнакомец.

Они проговорили 62 минуты, как услужливо подсказал телефон. Сначала он: рассказывал о своей компании, о коттеджном поселке в пригороде, который они сейчас начинают строить, о партнере. Потом плавно перешли к увлечениям, и Ирина узнала, что незнакомец любит кататься на лыжах, фотографировать и готовить. Ирина рассказала, что любит танцы и балет. В ранней юности танцевала профессионально, готовилась к большому выступлению от своей студии, но слишком сильно повредила колено. После операции на прежний уровень уже не вернулась. Было больно прощаться с мечтами, но они меняются: Ирина нашла себя снова в любимой работе. О ней она говорила взахлеб, не забыв и о сегодняшних съемках. Собеседник задал десятки вопросов и много смеялся.

– Вы не только прекрасны, но и очень талантливы, Ирина. Теперь я еще сильнее хочу подарить вам цветы, – сказал он.

Они так успели сблизиться за время этого разговора, что Ирине казалось, будто они знакомы давным-давно.

– Хорошо. Приезжайте завтра в обед ко мне в офис?

Она только собралась назвать адрес, как он опередил, сообщив, что знает, где это.

– До встречи. Я буду очень ее ждать.

– Но как вас зовут?

Разговор прервался. Незнакомец уже нажал на отбой.

Он был у входа в агентство ровно в час дня. А может, приехал и раньше, просто Ирина до этого не выглядывала в окно.

Понимая, что встреча ни к чему не обязывает и, скорее всего, не будет иметь никаких последствий, она, тем не менее, с утра потратила массу усилий, чтобы выглядеть привлекательнее обычного, и даже из-за этого опоздала на работу.

Макияж получился выразительным – на контрасте серые глаза Ирины выглядели совсем прозрачными. Высокая прическа и светло-зеленое прямое платье с большим вырезом очень ей шли. На работе отметили, какая она сегодня красивая, а кое-кто даже спрашивал – не праздник ли? Ирина отшучивалась.

Незнакомец, вручив большой букет красных лилий, галантно поцеловал руку. Губы у него оказались немного шероховатые. Теплое и волнующее прикосновение.

– Как вас зовут? – спросила Ирина.

– Илья. Не порадуете ли согласиём посетить кафе?

– Ого, как торжественно! Не откажусь.

С обеда Ирина опоздала на полтора часа. Начальница думала, что она на встрече с клиентом, но врать не хотелось. Тем более, если бы возникли вопросы, назвать, с кем встречалась, Ирина все равно не смогла бы.

– Я задержалась по личным причинам. Извините.

– У тебя что-то случилось?

– Нет. Не то, чтобы...

Начальница окинула Ирину взглядом, выразительно усмехнулась одним углом губы и покачала головой. Обошлось.

Но вернуться к делам оказалось сложно. Ирина все вспоминала и вспоминала мельчайшие моменты, полутона, намеки, звук голоса и тепло рук – Илья несколько раз накрыл руку Ирины своей ладонью. Ненавязчиво, нет, скорее дружески – но Ирине уже хотелось гораздо большего. «А вдруг это судьба?» – вспомнились слова коллеги. А если правда?

Поздним вечером Илья прислал сообщение: «Приятных снов, Прекрасная Осень!»

Но спалось очень плохо. Пока под боком привычно сопел и похрюкивал во сне Рой, она думала об Илье. Но бессонни-

да была совсем не мучительной: и мысли, и фантазии встреча навевала очень приятные.

Только вот о чем они говорили?.. Ирина ярко помнила свои ощущения, резковато-сладкий запах его духов – но только не предмет разговора. Наверное, он и не был настолько важным.

Ирина смогла уснуть только под утро. В последний раз смотрела на часы смартфона в 4:20. А в 7:30, взяв его, чтобы отключить будильник, увидела: «С добрым утром, Прекрасная Осень! Пусть твой день будет солнечным и удачным, усыпанным золотом улыбок, как земля желтыми листьями!»

Ирине всегда хотелось верить, что все лучшее в жизни происходит случайно.

«Такая большая девочка, а все веришь в сказки! Лучшего всегда приходится добиваться потом и кровью», – спорила с ней бабушка.

И все же права оказалась Ирина, не так ли? Илья оказался настоящим сказочным принцем. И как после этого не верить в сказки?

Глава 2. Зимний танец

Когда Илья узнал, что у Ирины никого, кроме Роя, нет, сказал:

«Зато мы теперь будем друг у друга. Я, считай, тоже один. Моя мать – настоящий вампир, только не по ночам кровь пьет, а круглые сутки».

По его словам, он ее содержал.

К зиме они стали так близки, что пьяные звонки подругам сошли на нет. Иногда Ирина неделями вообще не давала о себе знать. Порой они даже ее теряли и спрашивали, все ли в порядке. А кто-то просто отсеялся – значит, и не подругами были.

– Как ты там, Ирка? Совсем пропала, – Динара – почти как старшая сестра, дружили со студенческих времен – позвонила как-то вечером незадолго до Нового года.

Прошлый Ирина встречала, в том числе, с ней и ее мужем. Динара не бросит и не забудет, пусть и не часто в последнее время общаются. Она, как и Ирина, по кровной родне сирота. Даже в детском доме побывала, но потом повезло: вырастила ее приемная мать.

– Закрутилась, то работа, то с Ильей куда-нибудь ходим.

– Илья – это тот, с которым ты осенью познакомилась? Ты до сих пор все с ним же?

– Да. Думаю, на сей раз серьезно. Очень, – Ирина пони-

зила голос и покосилась на дверь ванны, за которой мылся Илья.

– А тот куда делся, прошлый? Как его звали? Витька?

Ирина еще раз опасливо взглянула на дверь. Илья, конечно, Динару не слышал, но все равно.

– Лучше не вспоминай. Исчез.

Не совсем: после того, как она стала встречаться с Ильей, он и звонил, и написывал, и даже пару раз объявился. К счастью, Илья этого не видел. Ревновал жутко, хотя Ирина ничего не скрывала – честно рассказала все в мельчайших деталях об этом знакомстве. Сначала он отнесся вроде как с пониманием, но потом очень злился.

«Раз он все еще звонит, значит, ты так сильно хочешь с ним расстаться, если даешь надежду».

И однажды даже так:

«Ира, я не потерплю других мужиков, и этот разговор – последний».

Это произошло после того, как он решил посмотреть Иринин телефон. Она оставила его и отошла на кухню. И было это – и то, что он в ее телефон полез без спроса, и эта реплика – как холодный душ. Она тут же заблокировала Виктора и удалила все сообщения, но Илья все равно предложил сделать паузу. И сказал, что сам позвонит после того, как все обдумает.

Но не звонил. На четвертый день Ирина не выдержала. Напилась и позвонила в слезах, уговаривая, что он все не так

понял.

«Ты о чем, малыш?», – спросил Илья ласково. – «Какой еще Витька? А, ты про своего бывшего поклонника, который в день рождения тебя бросил? Понял, зайка. Да я знаю, что все кончено, ты же мне говорила. Заработался я тут, малыш. Проект сдаем, вздохнуть некогда. Поверишь, я с самого утра не ел? Давай пойдем поедим?»

Ирина была так счастлива, что предпочитала даже не думать о том, что произошло. Главное, что он был тут, рядом – такой близкий, такой красивый со своей ямочкой и душевной улыбкой, и со светлой щетиной, которая так ему шла. Такой родной, внимательный, все-все понимающий. Такой заботливый. Он угадывал малейшие желания, читал мысли.

«Родная, надень сегодня свитер, на улице холодно. И не забудь зонтик. Ну и что, что в машине, а из нее как идти? Твои крошечные ножки промокнут». «Что мы будем? Даме – омлет с сыром, «Цезарь» с морепродуктами и тирамису – любимые Иринины блюда! – все верно, ты же это хочешь, малыш?» «Ты грустная, что-то на работе? Это тот твой клиент, который вечно не знает, чего ему надо? Вот мудака-импотент. Расскажи».

И Ирина рассказывала. Часами, в запой. Обо всем и о чем угодно. Так, как рассказывала подругам о самом Илье. Как сейчас рассказывала Динаре, не давая и слово вставить. Ровно двадцать минут.

– С кем ты говоришь? – Илья появился из ванной, до по-

яса замотанный в полотенце. Красивое у него тело, крепкое, но не перекаченное, не искусственное.

– С подругой. Ладно, Дин, пойду я.

– Ясно. Иди. Рада, что у тебя наконец-то все складывается, – рассмеялась Динара.

– О чем вы говорили? – Илья сел рядом, приобнял Ирину за талию, шутливо потряс.

– О тебе.

– Что, ругала меня? Говорила, какой негодяй, да? – он зарылся лицом ей в волосы, потерся носом о шею, чмокнул, слегка укусил. Как обычно от его прикосновений, Ирина плыла с первой секунды, все тело раскрывалось навстречу и умоляло не прекращать.

К ее огромному удивлению, они начали заниматься любовью месяца через три после знакомства, и поцеловались впервые месяца через два, хотя она и жаждала этого всем телом с той самой встречи с цветами. Но осторожную инициативу он не поддерживал – отстранялся. А более настойчивой она быть боялась: вдруг решит, что она такая развратная? В любом случае, несмотря на неотступное, изнурительное томление, которое накатывало каждый раз, когда она думала о нем – а это происходило чуть не каждую минуту – Ирину приятно поражало такое джентльменское отношение. Так было впервые в ее жизни. И сразу было понятно, что Илье важна она сама, ее личность, а не банальный секс.

– Нет. Я говорила, какой ты у меня замечательный, – тихо

смеялась она, притянув его к себе.

Они занялись любовью – восхитительно, как всегда. От мощных судорог удовольствия никогда не удавалось сдерживать животных протяжных криков.

После он курил, пуская колечки, а Ирина им любовалась.

– Ты уже думал, как будем праздновать Новый год?

– Работы так много, ни о чем не успеваю подумать. А отсюда сразу к тебе. А что, есть планы?

– Может, встретим с моими друзьями? Там большая компания, но все почти семейные, хорошие люди. Веселые. Тебе не будет с ними сложно. И чужим не почувствуешь себя – сразу примут, как своего, я их хорошо знаю.

Илья даже не колебался.

– А что, хорошая идея. Я «за».

Встречались в том же кафе, что и в прошлые годы – арендовали вскладчину целый зал. Собираться решили в шесть, но Ирина пришла немного пораньше. И по старой памяти тоскливо смотрела на часы, вспоминая Виктора. А что, если Илья не придет?..

– Что такое? Случилось что-то? – спросила, отвлекшись от показа снимков своих детей в Инстаграме – у нее уже трое – Динара.

– Нет, желудок крутит. Съела что-то не то.

– Ну ты даешь, кто перед Новым годом ест? Меньше ж поместится. Кстати, ребята, а не помянуть ли нам уходящий? – отозвался Динарин муж, Миша.

– Еще и шести нет. Так проводишь сейчас, что встретить не сможем.

– Жена, недооцениваешь ты меня! Ну так как, выпьем?

Едва успели выпить, как появился Илья. Розовый с мороза, улыбающийся, с коробкой с мандаринами и еловыми ветками, конфетами и шампанским.

– Я заранее узнал – можно ли сюда свое проносить. Сказали – можно, – извиняющимся тоном он обратился к одной лишь Ирине, и только потом к остальным. – Здравствуйте! Это нам всем, но в первую очередь – вам.

Уже поддатый Миша первым полез знакомиться до того, как их успела представить Ирина.

– Миха, муж вон той восточной красотки Дины, – протянул он волосатую руку для пожатия.

– Илья, будущий муж прелестной осенней Ирины, – пожал ее Илья.

Ирина нахмурила брови, не веря услышанному. Будущий муж? Он что, пошутил?

Илья, улыбаясь, потрепал ее по щеке.

– И что ты так насупилась, радость? Мы что, уже не женимся в новом году? Или ты передумала?

Передумала? Да они это даже не обсуждали.

– Желудок у нее, приболела. Да, я Дина. Это Света, Ан-

тон, Катя, Данил, Оля. Еще ждем четверых. Тринадцать нас сегодня за столом будет – к чему бы это?

– Желудок? Что же ты молчала? Альмагель выпила? – шепнул Илья ей на ухо.

Ирина покачала головой.

– Нет, все в порядке. Все уже прошло. Ты пошутил, да?

– Насчет чего?

– Илья, давай располагайся, не тяни. С тебя штрафная.

– Как, за что? Я только пришел, – рассмеялся он.

Не прошло и получаса, как Илья обаял всех. Особенно изрядно захмелевшую Свету, которая прямо на глазах мужа вываливалась из декольте.

– Повезло нашей Ирке, такой ты интересный мужчина. Солидный.

– Да разве?

– Да-да. Вот я бы, если бы не муж...

– Прости, но у меня уже есть Ира. Моя алокудрая царица сердца.

Ирина под столом погладила его по бедру в знак признательности. Но ее по-прежнему терзала его реплика. Шутка же, да? Ведь шутка?

– Десять! Одиннадцать! Двенадцать! С новым годом!

Вопрос решился после того, как все отчокались, отобнимались и отцеловались.

– А теперь – время подарков, – довольно громко сказал Илья – явно с намерением привлечь всеобщее внимание –

и достал из кармана красную коробочку. – Открывай, моя радость.

В ней было золотое кольцо. Обручальное, не помолвочное. Достав, Ирина крутила его в руках, близко поднеся к глазам. Внутри гравировка: «Ирина + Илья = Навсегда».

– Ну так что, женимся мы в наступившем году?

– Да, – тихо сказала Ирина.

Илья надел ей кольцо на безымянный палец правой руки и обнял – под одобрительно-праздничные крики ее давних друзей.

– Это было очень неожиданно, – на завтра Ирина решила вернуться к вчерашнему событию.

До сих пор не верилось, что на пальце кольцо, и она сама без пяти минут замужем, и свой пугающий тридцатый юбилей встретит в новом статусе супруги, и, возможно, даже будущей матери.

– Что, моя радость? – Илья еще несколько дней назад привез с собой кое-какие вещи и теперь разбирал чемодан.

– То, как ты сделал мне предложение.

– Почему? Ты не хотела? Еще не поздно отказаться.

– Дело не в этом.

– А в чем? В твоих друзьях – ты не хотела, чтобы они знали?

– Нет, конечно. Я бы все равно сразу им рассказала. А ты им очень понравился. Нет, это просто правда было очень неожиданно. Я не могу осознать.

Илья подошел, отодвинул волосы от лица Ирины и поцеловал ее в лоб.

– Ты меня любишь?

– Очень люблю.

– Тогда в чем вопрос?

Ирина подумала.

– Ты хочешь детей?

– Конечно. А ты – нет?

– Хочу.

– Давай родим троих. Двух мальчиков и девочку. Мальчики будут один строителем, как я, а второй юристом. Адвокатом. А девочка станет танцовщицей, как мама. И назовем ее Еленой в честь твоей бабушки. А уменьшительно станем звать не Лена, как все, а Елочкой.

Ирина ощутила острый прилив счастья: колющее, как уютный плед, тепло разливалось по всему телу, от него перехватывало дыхание.

А ночью она внезапно проснулась и начала думать о более давнем моменте, который беспокоил, как давняя заноза, сидевшая в глубине души. В темный час мысль донимала так сильно, что она рискнула растолкать мирно спящего Илью. Спал он спокойно, как ангел. Редко, когда мужчина вообще не издает звуков во сне.

– Что, Ира? Кошмар?

– Да.

– Это просто сон. Спи, моя девочка.

– Скажи, как ты узнал мое имя?

– Что?..

Илья зевнул и стал отворачиваться.

– Ну скажи! Ведь я тебе не назвала его тогда, на заправке.

И откуда ты узнал, что я люблю красные лилии?

– Ира, не мешай. Спи, – отвернулся он.

К февралю Илья почти каждую ночь проводил у Ирины. Можно сказать – жил. Иногда ему звонили, и он уезжал: говорил, мать снова капризничает. Иногда так и оставался потом у нее. Странно, но к своим 34 годам такой привлекательный мужчина до встречи с Ириной жил с матерью.

Они ни разу не говорили больше о свадьбе, не обсуждали ни приготовления, ни дату. Ирине казалось, что, если завести этот разговор самой, Илья будет очень раздражен. А он молчал.

И его мать: разве не должны они познакомиться? Пусть это и сложный человек с тяжелым характером, но ведь будущая свекровь.

В один из вечеров Ирина все же решилась спросить об этом. Как раз после того, как Илья сообщил, что завтра по-

едет к матери: ей нужно было прибить новые полки или что-то вроде того.

– Может, нам пора познакомиться?

– Конечно. Но позже. Не сейчас.

– Почему?

– Ты ей не понравишься.

Наверное, на лице у Ирины отразилась вся гамма чувств, которые мозг не успел еще ухватить и обдумать. Илья поцеловал ее в лоб.

– Дело не в тебе. Ей никто никогда не нравится. Даже я. Она же королева.

Вот такая игра слов: их фамилия и в самом деле была Королевы.

А Рой Илью не любил. Добрейший дружелюбный тюфяк, готовый до смерти зализать первого встречного хоть в лифте, хоть на улице, до сих пор порывкивал и погавкивал каждый раз, когда Илья входил в квартиру. А потом сторожил: ложился монументально и не сводил глаз. Илью это очень раздражало, и Ирина запирала Роя на кухне.

Однажды утром Ирина решила пораньше накормить Роя, заодно и сама по-быстрому перекусить, а потом приготовить Илье хороший завтрак. Она как раз доедала свою овсянку, глядя, как с аппетитом жует сушку пес, когда Илья зашел в кухню.

– Чаевничаете?

– Вроде того.

Он сел за стол и закурил, пристально глядя на Ирину – снизу вверх, сверху вниз.

– Что?

– А ты не хочешь заняться танцами?

– Я же говорила тебе – у меня была травма, удалили мениск и еще что-то там. Врачи не советовали мне танцевать, увы.

– Но это ведь было так давно. Лет десять прошло.

– Двенадцать.

– Тем более. Наверняка уже можно.

Ирина пожала плечами.

– А если не танцами, так, может, хоть просто в зал?

– А что?

– Не хочу тебя обидеть, но ты очень поправилась. Это сильно тебя портит. Ты была такой хрупкой, когда мы встретились, девочка-осень. А сейчас превращаешься в грузную бабу.

Ирина и в самом деле набрала с осени три кило. Она всегда была худой, даже очень: при росте 172 см весила 53-54 кг. Сейчас – 57. Окружающие продолжали восхищаться ее фигурой, спрашивая, чем она занимается, чтобы быть в такой форме, но слова Ильи попали в точку: на самом деле Ирина себя забросила. Сейчас 57 кг, а завтра и все 70. Обидно такое слышать, но это правда, и она лучше сладкой лжи. Пора заняться собой.

– Ты прав, – согласилась она, отставив недоеденную ов-

сянку. – Поищу студию.

Вечером Илья принес Ирине серьги с бриллиантами.

– Прости, малыш. Меня весь день мучит совесть – как грубо я с тобой обошелся. Встал не с той ноги. Прости меня. Ты очень худенькая и красивая.

На следующий день Ирина записалась в танцевальную студию. О том, что у нее была травма, говорить не стала. Но как же приятно оказалось вспомнить прошлое! Танцевала Ирина, имевшая профессиональную подготовку, несмотря на двенадцать лет перерывала, лучше всех в ее новой любительской группе. И колено не беспокоило.

Через две недели, в самом конце февраля, Ирину вызвала начальница.

– Я все понимаю – у всех нас есть и личная жизнь (*но только не у тебя! Ты-то живешь на работе – все знают, и мужика у тебя сто лет не было*). Но то, что происходит, не допустимо. Веленский сказал, что ему до сих пор не представлен даже первоначальный проект. «Свифт» жалуется, что на назначенную встречу тупо не явились. Они расторгли с нами контракт. Со «Снайпером» до сих пор даже не связались, они сами звонят нам и не понимают такого отношения.

Ирина молчала.

– Будь ты обычным рядовым сотрудником, мы бы решили вопрос иначе. Но ты много лет была одной из лучших в нашей команде (*но никто меня не отметил! И не повысил, а премия была копеечной*). Реши, пожалуйста, все свои проблемы к 15 марта и возвращайся к работе. Или не возвращайся – выбор твой. Пока ты в отпуске.

День был теплый и солнечный. Снег подтаивал, на карнизах висели сосульки. Пахло весной – ожиданием радости и возрождения, свежо и ярко. Остаток рабочего времени Ирина провела в магазинах.

Купила одежду, косметику и продукты. Как ни странно, проблемы на работе, прежде столь любимой, не вызывали в душе достойного отклика, как она ни старалась. Ну и пусть. Да, она стала уделять гораздо меньше времени работе – но у нее просто появилась личная жизнь. Разве не у всех так? А если она забеременеет, то и вообще покинет работу на несколько лет, и им как-то придется справляться без нее. Пусть уже сейчас тренируются.

Оставив покупки дома, Ирина отправилась на тренировку. Как раз успеет вернуться с нее и приготовить ужин к приходу Ильи.

В этот день должны были разучивать венский вальс, но, как и на предыдущих занятиях, тренерша решила предварить танцы адаптированными упражнениями из балета. Ирина ничего не имела против: в детстве до бальных танцев она и начинала с него, и тело охотно вспоминало давние, но

десятки раз повторенные движения.

Но в группе разделяли такой подход не все. Многие шептали, что это, во-первых, слишком сложно, а во-вторых, бессмысленно. Зачем это людям, которые приходят заниматься для удовольствия?

Тем более не вдохновил всех сегодняшний гранд жете – шпагат в воздухе. Видя общий настрой, тренерша позвала первой разучивать упражнение Ирину. Так она и без того его знала, и была уверена, что легко повторит. И не раз.

Прыжок, прыжок – все легко получается, как будто и не было паузы. Прыжок, прыжок. Невыносимая боль. Ирина ударилась головой о пол при падении, но почему-то адски взорвалось колено – как будто ногу по суставу отняли зазубренной бензопилой. Она кричала от боли, не особо поняв, что происходит.

«Все, все, тихо, сейчас станет лучше».

Приехала «скорая». В больнице, и правда, Ирине несколько полегчало, но уже после того, как она проснулась. С ногой в гипсе, висящей на растяжке. Не могла же она сломать ее просто во время обычного упражнения?!

«Открытый перелом», – подтвердила полная медсестра.

Надо позвонить Илье, предупредить. Не будет ни ужина, ни ее.

Он долго не брал трубку, и Ирина плакала – от тоски и боли, хоть и не такой острой. А потом ответила женщина.

– Алло?

– Можно услышать Илью?

– Нет, нельзя, он занят. А кто это?

– Это Ирина, его невеста. А вы кто? Его мама?

Неожиданный грубый хохот.

– Как, опять? Нет, я не мама.

Собеседница отбилась, и с тех пор телефон был выключен. Ирина уснула в слезах, опухшая от уже пролитых.

На следующий день в больницу приехала Динара. С апельсинами и конфетами «Рафаэлло». Ирина оставила ей сумбурное сообщение, в котором было все-все-все.

– Ну ты же не маленькая девочка, Ирка, – подруга гладила по голове, тем самым демонстрируя прямо обратное. – Понимаю, что нравится тебе танцевать, знаю, что здорово у тебя получалось, но жизнь так сложилась – иногда нам приходится отказываться от желаний против воли, таков уж путь. Ты же знала, что врачи навсегда тебе запретили с такой-то травмой. Зачем снова полезла?

Сказать, что идею подал Илья, Ирина не смогла. Просто всхлипнула.

– Все заживет. Будешь, как новая. Но не танцуй только больше, ладно?

Ирина кивнула.

– Я позвонила ему, а там женщина.

– Мать?

– Сказала, что нет.

– Мало ли, может, коллега. Он тебя обожает. Наверное, что-то с работой, они же дома сдают? Наверное, форс-мажор какой-то. Как освободится, сразу прискачет, не будешь знать, куда от него деваться. Уж очень он у тебя прилипчивый.

– Заботливый, – поправила Ирина.

От рассудительных слов подруги стало легче. И правда, зачем она себе все это придумала? С чего она взяла, что у него другая женщина? Разве не проводил он все время с ней? А может – Ирина похолодела – с ним самим что-то случилось? А она, как дура из анекдота, думает – только бы не изменил?..

Динара пробыла долго, все два часа посещений. Рассказывала, как шалят ее дети, читала вслух ленту новостей, поделилась секретом, как правильно тушить кабачки с мясом, чтобы были сочными и пряными. На самом деле, она могла болтать, о чем угодно – с ней было так спокойно. И Ирина чувствовала себя совсем маленькой несмотря на то, что подруга всего лишь на три года старше.

Но она ушла.

– Что, правда ей веришь? – подала голос соседка, до того якобы читавшая книгу.

– Вы о чем?

– Что мужик твой на работе?

Ирина не ответила.

– Верь, верь. Я своему козлу тоже верила, пока он с моей сестрой кувыркался.

Ирина снова промолчала. А Илья не звонил и не приезжал. Ни в этот день, ни в следующий, ни в десятый. И с 8 марта не поздравил. И в пятнадцатый день, когда Ирину с гипсом выписали домой, он так и не объявлялся.

Дверь была заперта изнутри на щеколду. Таксист, по доброте душевной под ручку проводивший Ирину в подъезд, начал стучать.

– Кто? – ответил неприятный женский голос, хриплый и скрипучий.

– Хозяйка, видимо? – помог онемевшей Ирине таксист.

– Какая еще хозяйка? – возмутились за дверью родной, бабушкиной квартиры, в которую Ирина переехала пятилетней девочкой.

По щекам текли слезы, но костыли мешали их вытереть.

– Ты ж точно хозяйка? – шепнул таксист.

Ирина кивнула.

– Слышь, ты отроешь или что? Ментов зову?

Дверь открылась. Девушка лет 23 с широко посаженными светлыми глазами с гневом смотрела на пришедших.

– И кто вы?

– Ирина, – сказала Ирина. – И это точно моя квартира.

– А я ее друг, – сказал таксист. – А вот ты кто?

– А я ... так, – сразу сбавила обороты неизвестная. – Меня ее муж тут прибраться позвал. Он сказал, жена в командировке до апреля, вот я и спрашиваю.

Теперь она избегала смотреть на Ирину.

Не она ли тогда ей ответила на звонок? По голосу не сказать.

– Ну все, убралась – уходи.

– Да, я сейчас.

Девушка, действительно, похватила какие-то тряпки и быстро ушла. Ушел и таксист, которого Ирина поблагодарила от души и заплатила втрое.

– Рой! Рой!

Что они сделали с псом?!

– Рой!

Радостный взгавк, похожий и на бульк, и на зевок – Рой выполз из-под дивана, под которым то ли спал, то ли прятался. Раньше он никогда там не сидел. Отощал – одни кости, бежевая шерсть потускнела.

– Рой, мой дружок! Ты жив! Тебя обижали!

Он встал передними лапами ей на плечи, едва не уронив, и облизал лицо. В темных глазах, казалось, стояли слезы.

Приняв таблетки, Ирина прошла, если так можно выразиться, по квартире, держась одной рукой за стену, другой за костыль. По каким-то причинам – слишком умным и мно-

го раз проговоренным врачами, но непостижимым разуму – целая нога отказывалась держать тело. Вообще.

Убиралась она тут, говорите? Ухоженная квартирка стала похожа на бомжатник с разбросанными по полу бутылками и тарелками с едой. Хуже всего пришлось цветам, некоторые из которых садила еще бабуля. Их, конечно, не поливали, а кое-какие выдрали. Кое-как добравшись обратно до спальни, Ирина улеглась на кровать и снова заплакала. Но таблетки подействовали, и вскоре она уснула.

Проснулась она оттого, что кто-то гладил ее по руке. Сжимал, целовал. Илья. Вид встревоженный, глаза огромные:

– Солнышко, что с тобой случилось? Это в командировке?

– В какой... В какой коман... – язык не ворочался.

– Твоя начальница сказала, что ты улетела в Пермь до апреля. Я ж к тебе на работу приезжал, когда дозвониться не смог. Уже думал заявление на розыск подавать. Родная, ну почему же ты не отвечала?

Как она могла не ответить, когда круглые сутки, каждую минуту только и ждала его звонка? О чем он говорит? Что вообще происходит?

– Ты не звонил...

– Как же я не звонил, когда каждый день звонил? Думал, ты решила взять паузу, поэтому и не хочешь со мной говорить.

Вечером пришла Динара. Все было, как во сне.

– Я ей говорил, что плохая идея с этими танцами. Ну куда

с ее-то коленом? А она точно, как ребенок – «хочу вернуться, столько лет прошло, все давно зажило».

– Да уж. Ну это есть у нее такое, как что придумает, так не переубедишь. В этом точно, как ребенок. Всегда такая была.

– И командировку эту зачем-то придумала. Явно ведь руководство свое просила так мне ответить. И зачем только?

– Может, не хотела, чтобы ты знал про это с ней происшествие. А может, обиделась.

– Обиделась? На что?

– Она тебе как-то звонила, и женщина какая-то ответила. Сказала, что не мама.

– Что еще за женщина? Наверное, не тот номер набрала. Ума не приложу, как еще бы это было возможно. Телефон всегда со мной. Да и мать бы не ответила на него. Дурдом какой-то.

– Ну... да. Бывает с ней такое иногда, что тут сказать?

– А я ей все звонил, звонил, каждый день по сто раз. Хоть бы единый раз ответила.

– А мне наоборот говорила, что ты ей не звонишь. Сюда поставлю? Чисто тут у тебя, как в гостинице прямо. Даже как-то не по себе, что что-то запачкаю.

– Да это я девушку нанял за квартирой смотреть, пока Иры нет. Давно ей хотел предложить – все же на работе целыми днями, так пусть кто-то и прибирается. Тем более – собака у нас, знаешь, от нее сколько грязи? Да и средства есть на помощницу.

Это сон. Просто сон.

Глава 3. Лазанья и китайские палочки

Гипс сняли только 5 апреля.

Конечно, у Ирины был больничный. Следовало всего лишь позвонить в агентство и предупредить, рассказать, что сломала ногу. Но ей настолько завладело безразличие ко всему происходящему, что она все откладывала и откладывала звонок на следующий день, и в итоге так его и не сделала.

И работу потеряла. 6 апреля, когда она пришла в офис с палкой, но все равно хромая, начальница прямо спросила – зачем пришла. И посмотрела с... презрением? А может, Ирине только так казалось, и это была жалость?

Выглядела она скверно. Нога в месте перелома деформировалась – над и под коленом возникли пухлые узлы, перетекающие один в другой. После перелома Ирина из-за вынужденного отсутствия движения резко прибавила в весе и набрала еще семь кг. Краска из волос вымылась, они потеряли яркость, и в отросших на несколько сантиметров корнях поблескивала первая седина.

Илья то появлялся, то исчезал. Иногда делал вид, что вообще не замечает Ирину – как будто ее просто не было в комнате рядом с ним. Она обращалась к нему – он молчал, и иногда ей казалось, что он и правда не слышит, потому что ее

и в самом деле нет: она стала призраком. А порой – и такие смены настроения происходили для Ирины совершенно без причин, во всяком случае, она не могла осознать, в чем они кроются – Илья снова становился добр и заботлив, пожалуй, даже в большей степени, чем был до больницы. Он вдруг начинал обращаться с ней, как с больным младенцем, старался накормить повкуснее – заказывал ее любимые блюда из ресторанов, а часто и готовил сам. Оказалось, Илья нисколько не обманывал, относя готовку к своим хобби: получалось у него очень вкусно. И выглядело аппетитно и красиво – хоть фотографируй и в Инстаграм. Ирина с удовольствием ела.

О том, что произошло, когда она вернулась из больницы, Ирина не то, что не говорила с Ильей, а даже себе запрещала думать. Все вроде шло хорошо, а тот случай... Нет, лучше к нему не возвращаться.

– Смотри, котенок. Не гостиница, а настоящий замок, – позвал он ее однажды к раскрытому перед собой ноутбуку.

Илья расположил его на бабушкином письменном столе. И в целом ее бывшая спальня постепенно превратилась в его рабочий кабинет – личное пространство, которое следовало уважать и лишний раз не беспокоить без приглашения. Ирина не возражала: до появления Ильи комната пустовала.

Экран показывал виды из «Тысячи и одной ночи».

– Сказочная, – оценила Ирина. – А где это?

– Шарм эль Шейх. Поедем туда в августе, я уже билеты забронировал. Ну, ты рада?

Ирина была очень рада. Она вернулась на кухню, где по новому рецепту готовила Илье лазанью. Надо успеть за оставшиеся четыре месяца прийти в форму, чего бы это ни стоило, чтобы не стыдно было показаться на пляже. Даже не так: чтобы Илье не приходилось ее стесняться. Но как вернуться к нагрузкам, если и ходила-то она с трудом?

– Илюша, давай ужинать, – красиво сервировав еду на подносе, с салфетками, приборами и бокалом вина, она по возможности грациозно – уж насколько позволяла деформированная нога – вошла в бабушкину комнату.

– Я занят, – внезапно грубо отрезал он.

– Тогда я тебе оставляю, и потом поешь. Хотя лучше сейчас, пока теплое, – Ирина аккуратно поставила поднос на стол.

Секунда – и лазанья вместе с приборами, салатом и бокалом вина полетела в стену над бабушкиным диваном. Жирное пятно на стене, жирная каша на покрывале... В ушах зазвенело и застучало в виске.

– Отвали от меня, достала! Все равно готовить не умеешь, полное дерьмо получается, еще и съешь его мне!

Ирина поковыляла вон – только бы добраться до постели.

– Эй, ты куда? А убирать кто будет?

Ирина сделала еще шаг и услышала топот. Илья грубо схватил ее за руку у локтя, встряхнул и поволок в бабушкину комнату.

– Ты, свинья! Сказано тебе – убирай!

Онемевшая от ужаса и неожиданности Ирина, как робот, принялась счищать остатки лазаньи, которой так хотела порадовать Илью и для которой так заботливо выбирала сыры, так любовно раскладывала приборы, с покрывала, пола, стены. Она оцепенела. И даже не могла заплакать.

Зато все следующее утро Ирина провела в слезах. Рой скулил, царапал входную дверь, но она не могла себя заставить не то, что пойти с ним гулять, а просто подняться с кровати. Только на ней она чувствовала себя относительно защищенной. Что же с ней происходит? Как получилось, что за полгода она превратилась в немощную развалину, которую унижают и шпыняют?

Около полудня скрипнула входная дверь. Она всегда скрипела. Бабушка годами собиралась смазать механизмы, а когда ее не стало, эстафету «надо бы смазать» перехватила Ирина.

– Ого, Рой, знатно же ты напрудил. Что, не вывели тебя, да? – голос Ильи звучал из коридора удивительно спокойно.

Видимо, он почесал Роя – во всяком случае, Ирина надеялась именно на это, услышав, как собака валится на бок. Через минуту Илья появился в спальне с букетом красных лилий и свертками.

– Малыш, я вел себя вчера непростительно. Рабочие про-

блемы, но меня это не оправдывает. Не знаю, как и загладить вину.

Ирина долго не давала себя уговорить. Но в итоге все же сдалась – стала разворачивать свертки. Платья. Нарядные, эффектные. По качеству – да и по этикеткам – видно, что дорогие.

– Ну как тебе? Уверен, ты будешь выглядеть, как настоящая королева. Примерь-ка!

Примерить не получилось: первое же платье – бирюзового цвета, с замком – не сошло на спине сантиметра на три.

– Но я ведь смотрел размер по твоей одежде, даже сфотографировал. Как же так? Это, получается, настолько ты растолстела? – Илья укоризненно покачал головой. – Что ж, буду знать.

Попрощался довольно холодно – как будто и не было вчерашнего, и наоборот, это именно она сильно провинилась перед ним – и ушел.

И вышло, что не только утро, но и остаток дня Ирина провела в слезах, так и не сняв проклятое тесное платье.

– Противно смотреть, как ты ешь. То жрешь, прямо как твоя собака из миски, аж чавкаешь, одним куском заглатываешь, то колупаешь там что-то. Что, думаешь, похудеешь, если часами будешь в тарелке возиться? Да не будет этого.

Во-первых, в любом случае нужен спорт, а ты калека. А во-вторых, в твои годы уже не тот метаболизм. Ты уже сейчас не девочка, а дальше с каждым годом только еще больше будешь жиреть. Страшно представить, во что ты уже через пару лет превратишься, – Илья забрал стоящую перед Ириной тарелку с бурым рисом и вывалил в ведро, а затем швырнул в раковину.

Судя по звуку, разбилась или она сама, или стоящая там кружка. Или все вместе.

Ирина приготовила рис для себя, и этой тарелки должно было хватить на весь день – больше на сегодня она еды не планировала. Но ни о чем этом она Илье не сказала. И ни о чем другом тоже. Ирина промолчала.

Она ощущала полнейшее безразличие – примерно такое же, как было после выписки из больницы.

Придвинув к себе пепельницу, Ирина закурила. Студенческая привычка, с которой она рассталась одновременно с первым мужем. Она все ждала, когда Илья проедется и на этот счет, начнет жаловаться на запах или на дым, но почему-то он до сих пор молчал.

– Нормальную еду, вижу, не приготовила? – Илья заглянул в холодильник. – Хотя это правильно: не умеешь – не берись. А что тогда весь день делала?

– Ничего.

– То есть, опять ровно сидела? Тупеешь с каждым днем. И так была глуповата, а теперь совсем полная дура. С тобой

не то, что говорить, молчать не о чем. Хотя в музей сходи, что ли.

– Хорошо.

– Хорошо, – скривившись, передразнил Илья. – Так, все, свалила отсюда.

Ирина безропотно поднялась и поплелась на свою волшебную кровать. Рой поцокал когтями следом. Визг – ему помешал пинок Ильи.

– Куда поперлась, тварь? А ну иди сюда!

Это он Рою или ей?

– Ковыляй сюда, тупая жирная дрянь!

Что-то снова разбилось. Ирина замерла, втянув голову в плечи. Что безопаснее – идти дальше, вернуться к нему или просто стоять и ждать – чего?

Он продолжал что-то бить и материться. И звать. А вдруг снова сейчас догонит, схватит, швырнет? Ирина, глядя себе под ноги, на заношенные, в прошлом оранжевые тапки – она когда-то любила этот цвет, она много чего раньше любила – робко поплелась в кухню.

Тарелка прилетела ей в голову. Она дернулась, чтобы уйти, но дальше все произошло именно так, как она и боялась – Илья схватил ее и швырнул на стул.

И принялся бить посуду. Он разбил ее всю, методично, одну за одной, включая бабушкины кружки и соусники, которые Ирина любила и берегла. А затем принялся за цветы. Вырывал из горшков нежные фиалки, благородные каллы,

рвал на куски, топтал ногами, а потом растаптывал и горшки. Сколько же это продолжалось? Ирина закрыла глаза.

– А ну смотри!

Но все кончается. Разбив напоследок стекла кухонного шкафа, Илья забрал с этажерки ключи от машины и ушел, хлопнув дверью.

Сколько его не было, Ирина не знала. Она все же добралась до защитной кровати и с нее не вставала. Голодный негулянный Рой скулил, толкал хозяйку тяжелой лапой, тыкался в щеку мокрым холодным носом, лизал, но все было тщетно.

Ирина хотела одного – уснуть и больше не проснуться. И при этом ждала. Что вдруг сейчас скрипнет ключ во входной двери или булькнет телефон. И это окажется он. Илья. С лилиями и извинениями.

И он действительно вернулся через несколько дней. Без извинений, но с разгромной тирадой:

– Вот свинья. Ты посмотри, во что квартиру превратила! А на себя посмотри. Ты же выглядишь, как бомжиха! В комнате воняет. Да везде все провоняло! И собака твоя тупая зассала все. Не хочешь с ней гулять, так усыпи, – шипел он, бродя по квартире, морща нос и кривя лицо.

Потом начал куда-то звонить.

– Девушка, я хочу заказать генеральную уборку. Тут очень грязно. Не знаю, что делала жена, пока меня не было, но это просто не описать. Видимо, с головой что-то было, ее накрывает часто. Даже стены чем-то измазаны. Да, она дома, но не бойтесь, она днем спокойная. Сейчас дам ей таблеток... Да, полностью все убрать, отмыть, отстирать. Жену тоже. Такое не делаете? Ха-ха. Три комнаты, да. Три. Во сколько придете? Ясно, заперто не будет. Да, а собаку выгуляете? А поможете? Отдельно заплачу, не вопрос. И накормите, жена псину голодом морит.

Пришли три нерусские женщины. Они громко переговаривались на своем гортанном языке, украдкой бросая на Ирину взгляды. Ей не сказали ни слова, как будто она была одним из предметов мебели. Когда они стали явно коситься на кровать, она перешла на кухню, чтобы не мешать им убираться.

Уборщицы потрудились на славу, когда они ушли, сияло все, даже оконные стекла. А из створок шкафа на кухне пропали оставшиеся осколки. И цветы из квартиры пропали, все до единого – Ирина то ли не заметила этого, то ли вычеркнулось из памяти, но, видимо, в тот день Илья уничтожил их окончательно.

Снова оставшись одна, Ирина заставила себя принять ванну и постирать всю одежду, что была на ней. Оделась в свежее, собрала волосы в прическу – теперь они еще и выпадали, и ранее довольно густые и длинные пряди превратились

в мышинный хвост. Нанесла макияж, надушилась. И устроилась не в своем логове – на кухне. Но все зря: Илья в этот вечер не пришел.

Через два дня, когда Ирина вернулась с вечерней прогулки с Роем, Илья был дома.

– Есть будешь? Я заказал в кафе, привезли с одноразовой посудой, – сообщил он, как ни в чем ни бывало, выйдя навстречу, пока она разувалась и протирала лапы собаке и свои ботинки – шел дождь.

Ответил желудок: его потянуло и засосало. Ирина не помнила, когда ела в последний раз. А с кухни так вкусно пахло.

– Мой руки и иди.

Когда она села за стол, он сам разложил перед ней еду. Китайское сладкое мясо – она его не любила, но сейчас поняла, что готова проглотить жадно, одним куском – именно так, как не нравится Илье.

– Смотрю, ты сегодня подкрасилась? Молодец, сразу похорошела. Значит, лучше тебе, – улыбнулся Илья, макая зацепленный палочками кусок свинины в соус.

Он орудовал палочками очень ловко, но Ирине предусмотрительно положил вилку и нож.

В прошлом Илья не раз упрекал ее в неумении пользоваться китайским прибором: «разве человек может так есть,

чтобы все измазать? Мне за тебя стыдно». Но сегодня он положил ей вилку молча, а о навыках ничего не сказал.

– Ира, ты бы почаще выходила на улицу. Хорошо, что с собакой стала гулять, но этого мало. Надо с людьми общаться. Может, тогда и не будет происходить такого. А так-то в четырех стенах каждый начнет с ума сходить потихоньку, я понимаю.

А вот Ирина упорно не понимала, о чем он говорит.

– Ну скажи же что-нибудь? Почему ты не разговариваешь? Целыми днями молчишь. Скажи хотя бы, согласна ли ты со мной. Или, наоборот, думаешь, что это нормально, что так должно быть? О, вот смотри, какой красивый кусочек, держи, – он положил мясо из своей порции ей на пластиковую тарелку.

– Что нормально? – язык шевелился с трудом. Ирина и правда постоянно молчала.

– Все, что с тобой происходит. Вот это все, что ты сделала, пока меня не было, – он обвел рукой кухню. – То, что ты в квартире заперлась. То, что на меня бросаешься.

Ирина сдвинула брови, опустив глаза в сладкий соус – розовато-бежевый, сочный, жирный. Что же происходит? Она чувствовала, что действительно сходит с ума.

– Ириша, я тебя ни в чем не обвиняю. Я правда хочу помочь. Ты же была такой яркой, красивой, перспективной, такой талантливой – неужели тебе самой нравится то, что с тобой происходит? – он взял Ирину за руку и прижал к шеро-

ховатым губам. Подул, а затем поцеловал. – Мне уже страшно иногда: и за тебя, и за себя.

Ирина молчала. Было ощущение, что в голове работает старый механический часовой механизм, и заржавевшие шестеренки мучительно трутся друг об друга. Щелк, щелк.

– На завтра я пригласил к нам твоих подруг. Ты когда с ними в прошлый раз говорила? То-то и оно. Хоть так развеешься. А посуду новую купим. Бывает, что там, – улыбнулся Илья и потерся щекой ей об руку. Как кот.

Пришли Динара и Света. Они ничего не сказали о том, как Ирина выглядит. Но это было и незачем. «Как ужасно опустилась! Что с ней стало!» – читалось в их взглядах громче любых слов.

Хотя она долго готовилась к их приходу: пыталась приукрасить себя, как могла.

Ужин был заказан в кафе, и выглядел аппетитно, но вечер спасти не мог. Он с самого начала не задался. Ирина не могла себя заставить ни улыбнуться, ни говорить. Зато это делали они – так, как будто ее и не было.

И пусть бы лучше не вспоминали о ней и дальше, но увы.

– Уж простите за пластик. С нашей посудой тут недавно произошла маленькая неприятность, – радушный хозяин, раскладывая второе блюдо, бросил быстрый – и, пожалуй,

ласковый – взгляд на Ирину.

– Да? Это какая же? Рой? – Динара, макнув палец в соус, облизала его.

До чего отвратительна эта давняя ее привычка! И как она раньше Ирину не раздражала? Да и внешне Динара стала противна: от сытой счастливой жизни раздобрела до грани, после которой женщина превращается в необъятную тетку. И регулярную до поры эпиляцию бросила: над губой и на переносице пробивались темные волоски, рискующие совсем скоро переродиться в полноценные усы и монобровь.

А Света, наоборот, похудела и помолодела. Побочный эффект недавнего развода: надо показать бывшему – «эй, смотри, кого бросил!»

– Да нет, не Рой. Ничего особенного, – многозначительно ответил Илья. – Рыбу?

Подруги посмотрели на Ирину, но уточнять не стали. Не сейчас. Это произошло потом, когда она, не выдержав щебетания, жевания и хихиканья, молча встала и ушла в спальню.

Они говорили шепотом, но у Ирины с детства был прекрасный слух. Не только музыкальный, но и чуткий.

– Простите, девчонки. У нас сложный период. Думаю, пора к врачу, но Ира отказывается.

– Может, мне с ней поговорить?

– Попробуй. Но она не разговаривает. То есть вообще. Буквально. Просто сидит, глядя в стену. Я с ней часами говорю в пустоту, в ответ ни звука.

– А что у вас тут случилось все же? Это тоже она?

– Лучше не спрашивай. Вызвали меня на пару дней на стройку в Березовое, возвращаюсь – а тут... Нет, не спрашивай. Да ладно, всякое бывает.

Ирина не могла даже плакать. Но... выходит, она и в правду сошла с ума? И ей все кажется?

Ирина пыталась выйти из дома. Просто брала Роя и бездумно бродила по улицам, наблюдая за чужой жизнью. Вот ребенок смеется, топая ногой. Чужому ни за что не понять, что он видит, какая иллюзия так его позабавила. Вот ссорится колоритная парочка – туннели в ушах и татуировка на щеке у него, а у нее голова полностью бритая. Вот молодая женщина по телефону дает указания, где и когда забрать мебель.

Счастливые, спокойные люди, все в своих мыслях и делах. Занятые, живущие полной – и своей – жизнью. А Ирина разве живет? Она просто пустая оболочка.

Все же она заставила себя обновить гардероб и дома старалась принарядиться. Илья стал неизменно мил, приходил пораньше и готовил вкусности. А потом они смотрели в общей комнате какой-нибудь фильм с большого монитора, причем он заботливо кутал ее в плед и подкладывал подушечку. По вечерам он нередко теперь ходил вместе с Ириной гулять с Роем, а в плохую погоду шел с ним один, ласково, но насто-

ательно уверяя, что не пустит Ирину мерзнуть.

И, хотя они не занимались сексом с того самого дня, как она попала в больницу, она постепенно таяла. Илья был идеальным, совершенно идеальным – добрым, ласковым, заботливым. Он щедро пополнял ее карточку. Без повода приносил цветы и маленькие подарки – то духи, то плюшевую игрушку: «все, чтобы ты улыбалась». Спрашивал о том, как она проводила день, и, не дождавшись ответа, в деталях и с юмором рассказывал о своем.

«Представляешь, мои узбеки не разобрались с планировкой, и установили унитаз в кухне! И я не шучу. А квартиру пришлось показать сегодня, так я говорю хозяевам: новая европланировка, специально так сделано, чтобы не отлучаться, гостям удобнее, здесь ставится перегородка, а ванная остается только для купания».

Никаких оскорблений, никакой критики – только забота и похвалы. Это ли не любовь?

Ирине все чаще казалось, что все со дня травмы было сном. Она ярко помнила удар головой: вероятно, он и спровоцировал какое-то душевное недомогание. Может, даже галлюцинации. А если она в самом деле нафантазировала тонны всякого бреда? От этой мысли Ирине становилось стыдно и хотелось загладить вину. Но тут же приходила другая – а что, если все – или хотя бы часть – было правдой?

– Как ты сегодня себя чувствуешь? Как настроение? – спросил он в середине мая, раскладывая покупки – яйца,

сыр, масло. Даже мед. И мясо – сказал, баранина, сделает из нее «райский гуляш».

– Хорошо, – улыбнулась Ирина.

– И выглядишь славно. Гуляла?

– Да. Мы с Роем прошли почти 5 км.

– Так ты шагомер поставила? Умница. Куда ходили?

– В парк.

– Отлично. Как насчет того, чтобы завтра на обед к моей королеве-матери съездить? Справишься?

Ирина поперхнулась свежесжатым апельсиновым соком – его еще утром приготовил Илья.

– Знаю, что может быть тяжеловато, да и мать у меня та еще. Но ведь ты уже идешь на поправку. Пора познакомиться, а летом дату выберем и заявление в ЗАГС подадим. Хорошо бы на сентябрь, как ты на это смотришь? Мы познакомились в сентябре, помнишь? 19-го числа. Было бы идеально в этот день, правда? Очередь может быть, правда, но я это улажу.

Ирина повернула на пальце кольцо. «Ирина + Илья = Навсегда». Надо же, он помнил даже дату. А она уже почти не верила, что он когда-нибудь снова об этом заговорит. И старалась не думать. Впрочем, в последние почти два месяца она совсем ни о чем не думала. А если и думала, то о тех мыслях точно стоило бы забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.